

Глава 15. Великий массив Кровавого жертвоприношения

На душе у Нефритового императора стало беспокойно: мысли невольно унесли его на десять тысяч лет назад. Тогда он еще не взошел на престол. В те далекие времена древние боги еще правили сущим, а в Трех мирах царил первозданный хаос. Юный будущий владыка любил блуждать среди этого тумана безвременья и однажды в глубинах Хаотического моря наткнулся на необработанный черный самородок. Камень еще не обрел плоть и разум, но уже обладал удивительной духовной силой — он сиял во тьме, жадно впитывая разлитую вокруг чистейшую энергию хаоса.

Находка показалась Нефритовому императору занятной. Из чистого любопытства он оставил в глубине камня частицу собственной души, надеясь помочь ему поскорее пробудиться и обрести зримую форму. Кто же знал, что это невинное развлечение обернется величайшей трагедией древности — и одновременно заложит основы для создания тех Трех миров, какими мы знаем их теперь.

Тень печали легла на лицо владыки. Он мягко опустился на каменную плиту перед исполинской черепахой и посмотрел на прикованного к ней мужчину.

— Мо Фэн, — негромко произнес император, — всё это моя вина.

Тот долго молчал, вглядываясь в скорбное лицо незваного гостя. Затем по его телу пробежала крупная дрожь. Мужчина рванулся вперед с яростным оскалом, но тяжелые цепи натянулись со звоном, не пуская его ни на шаг. Из-под истерзанной плоти на плечах с хрустом показались острые белые кости.

— Верно! — прохрипел он, захлебываясь злобой. — Всё из-за тебя! Так убей меня! Убей, и мучениям придет конец!

Взмахом руки Нефритовый император разогнал клубы черной демонической дымки, окутавшей пленника. Ласковое дуновение очищающего ветра пригладило спутанные темные волосы мужчины, а его изодранные лохмотья вновь обернулись чистыми одеждами. Они были похожи как две капли воды — за исключением того, что лоб пленника венчал черный кристалл, безмолвный свидетель скверны.

— В Трех мирах снова назревает великая беда, — тихо проговорил император, глядя на своего двойника. — Я просто пришел навестить тебя.

Он договорил и, не оборачиваясь, зашагал прочь.

Владыка понимал: тьма пустила слишком глубокие корни в душе Мо Фэна. Не заточи он его когда-то здесь, посреди бескрайнего Подземного моря, возможно, сегодня им не пришлось бы распутывать этот зловеющий клубок. Но случилось неизбежное. Как говаривал Будда, этот узник давно стал его личным внутренним демоном.

Мо Фэн молча смотрел вслед уходящему императору. Кровавое безумие в его глазах начало медленно угасать, уступая место разумному взору. Но проблеск рассудка длился не дольше удара сердца: вскоре один его глаз вновь налился багровой яростью, а второй остался чистым и спокойным. В этой жуткой разноглазнице таилось нечто по-настоящему зловещее.

Пустота поглотила тихий, прерывистый шепот Мо Фэна, летевший вслед удаляющемуся силуэту:

— Лучше бы ты... просто убил меня...

Наступила ночь. Холодное серебро лунного света залило заброшенный храм. Старый древовидный гибискус у монастырской стены давно отцвел, а после недавней бури и вовсе поник, сиротливо прижавшись к каменной кладке. Его искривленные ветви отбрасывали причудливые когтистые тени, похожие на силуэты призраков. Налетел резкий порыв ветра, заставив листву тревожно зашелестеть, и в то же мгновение во внутренний двор бесшумно скользнули две фигуры.

Внутри святилища Ху Цзюмин изнывал от скуки, тоскливо подсчитывая оставшиеся до рассвета часы и совершенно не замечая того, что творится во дворе. Цзи Цин к тому времени ушел в глубокую медитацию, отрешившись от плотского мира. Древняя Драконья душа оказалась на редкость строптивой: мало того, что переплавить ее было невероятно трудно, так она еще и обладала зачатками собственного сознания, то и дело ускользая от его духовного взора. Порой даос часами не мог отыскать ее следов. Но сейчас ему повезло нащупать едва заметный отголосок, и он без остатка сосредоточился на том, чтобы изгнать чужака из своего разума.

Внезапно из приоткрытых дверей потянуло приторно-сладким ароматом. Благовоние коснулось чуткого носа лиса и тонкой фиолетовой змейкой поползло к медитирующему даосу. Ху Цзюмин с тревогой наблюдал, как этот ядовитый пурпурный туман плотным кольцом сжимается вокруг Цзи Цина, но тот оставался безучастен к опасности — сидел, прямой как стрела, не шевелясь и не выказывая беспокойства.

Лис попытался негромко окликнуть напарника, как вдруг краем глаза заметил две длинные тени, скользнувшие по полу из залитого лунным светом двора. Из-за парализованного тела и заблокированной магической силы Ху Цзюмин не мог обернуться и понять, кто подобрался к нему со спины — люди или нечисть. Впрочем, в такой глухомани рассчитывать на дружелюбных гостей не приходилось.

— Кто здесь? — нахмурился Ху Цзюмин, стараясь говорить как можно тверже. — Что за братья-демоны решили навестить скромного путника?

Но вместо ледящего душу воя или демонического хохота из темноты донесся на редкость благозвучный и знакомый голос:

— Всего несколько дней не виделись, а меня уже к нечисти причислили?

Тайбай Цзиньсин аккуратно спрятал фарфоровый флакончик в рукав, неторопливо подошел к лису и, без церемоний потыкав пальцем его онемевшее плечо, усмехнулся:

— Что, приятель, доигрался? Неужто при медитации ци взбунтовалась?

Узнав ночного гостя, Ху Цзюмин мгновенно нацепил на морду самую приторную, заискивающую улыбку. По правде говоря, очаровывать настоящего небожителя ему еще не приходилось, и лис решил рискнуть. Но стоило ему направить на Тайбая Цзиньсиня свой фирменный томный взгляд, способный лишить душу покоя, как между ними бесцеремонно вклинилась высокая фигура. Юэлао заслонил собой товарища, сурово глядя на оборотня.

Тайбай Цзиньсин, раздосадованный тем, что ему помешали полюбоваться симпатичным лисенком, обиженно погрозил спутнику кулаком и демонстративно отвернулся. Оставшись наедине с пленником, Юэлао смерил его долгим, изучающим взглядом. В этом взоре сквозило такое собственническое упрямство, что Ху Цзюмин невольно издал тихий, вызывающий смехок.

Этим фырканьем лис лишь хотел показать свое пренебрежение — ведь не будь ему нужна помощь Тайбая Цзиньсиня в снятии паралича, он бы и не подумал тратить чары на небесных чинуш. Чего он не ожидал, так это того, что в ушах Юэлао его насмешливый вздох прозвучит как неприкрытая дерзость. Лицо старца озарила безмятежная улыбка. Он едва заметно шевельнул пальцами в глубине широкого рукава — и Ху Цзюмин почувствовал, как оковы сковали его тело с новой, еще более неодолимой силой, продлевая мучения.

Ощувив, как почти рассеявшийся паралич внезапно сдавил суставы с новой, железной хваткой, Ху Цзюмин едва не взвыл. Он яростно сверкнул серебряными глазами.

"Ах ты паскуда лицемерная! Решил втихую подгадить честному демону? Думаешь, раз бессмертный, так тебе все с рук сойдет? Ну держись, святоша. Мстительность у нашего брата в крови, я тебе это еще припомню!"

Вскоре ядовитые фиолетовые испарения вокруг Цзи Цина растаяли без следа, и даос медленно открыл глаза, выходя из транса. Заметив стоявших перед ним Тайбая Цзиньсиня и Юэлао, он на мгновение прищурился, и в глубине его зрачков промелькнуло тусклое золотое сияние, которое тут же угасло, сменившись привычным спокойствием.

Он неторопливо поднялся с колен. Легким щелчком пальцев даос избавил несчастного лиса от оцепенения, заставив того шумно выдохнуть, и спокойно спросил небожителей:

— Зачем вы здесь?

Тайбай Цзиньсин промолчал, задумчиво разглядывая потолок. Слово взял Юэлао. Косо поглядев на распластавшегося на полу лиса, который теперь старательно притворялся мертвой тушкой, он нахмурился, но быстро взял себя в руки и обратился к даосу:

— Верховный бессмертный Чжун Куй бесследно исчез, его судьба нам неизвестна. Мы разыскивали тебя в надежде, что с помощью оставленного им памятного знака сможем напасть на его след. Скажи, маленький полубессмертный, эта вещь при тебе?

Цзи Цин носком сапога подвинул поближе к себе пушистый комок, который продолжал усердно разыгрывать бездыханное тело, и посерьезнел:

— Памятный знак остался в Столице Вечного Веселья. Объясните толком, что стряслось? Зачем вам понадобилась эта вещица?

Пусть Цзи Цин еще не прошел через истинное вознесение, его давно почитали как полубессмертного, поэтому Юэлао не стал лукавить и без утайки поведал о смуте, охватившей Небесный дворец. Едва даос услышал о зловещем знамении, явленном Божественным Зеркалом Разрушения Солнца, в его собственной груди впервые отозвался тревожный отголосок. В голове вихрем закружились вопросы. Неужели грядущая гибель Трех миров связана с Драконьей душой, которую он пытается изгнать? Но ведь сущность Седьмого принца должна была бесследно сгореть при самоподрыве. Откуда в ней взяться силе, способной свергнуть вселенную в хаос? И не стоит ли за исчезновением почтенного Чжун Куя та же неведомая мощь?

Пока старец неторопливо излагал суть дела, Тайбай Цзиньсин, уныло прислонившись к покрытому вековой пылью алтарю, без конца вздыхал. Катастрофа, грозившая Трем мирам, для него лично обернулась сущим кошмаром. Если бы не эта проклятая заваруха, он бы и сейчас преспокойно нежился в своих покоях, наслаждаясь бездельем, а не мотался по глухим дебрям земли, да еще и под боком у этого несносного сухаря Юэлао.

Когда Юэлао закончил рассказ, Цзи Цин осторожно встряхнул ногой, пытаясь сбросить пушистый ком, который незаметно ожил и теперь мертвой хваткой держался за его лодыжку.

— Завтра на рассвете возвращаемся в Столицу Вечного Веселья, — подытожил даос.

Утром следующего дня путники уже подходили к Столице Вечного Веселья. Подаренную когда-то Чжун Куем вещицу Цзи Цин с собой не носил — решил тогда, что она ему вовек не пригодится, и отдал на хранение Духу земли. Оставалось лишь надеяться, что старик Туди не потерял доверенное ему сокровище.

Едва переступив порог городских ворот Столицы Вечного Веселья, Цзи Цин почувствовал неладное. Раннее утро — самое время для торговцев и лоточников открывать лавки и зазывать

покупателей, однако улицы встретили их мертвой тишиной. Лишь сухие осенние листья шуршали на мостовой под порывами ветра да сиротливо покачивались редкие, едва светящиеся фонари. Город выглядел зловеще пустым. Ху Цзюмин испуганно подобрал лапы и поплотнее прижался к спине даоса. Чуткое обоняние лиса не улавливало в воздухе ни капли человеческого тепла — даже привычный демонический дух здесь бесследно растворился.

Они свернули в один из главных переулков, когда Цзи Цин заметил, что за ними наблюдают. Из узкой дверной щели на них уставилась пара безумных глаз с огромными, мутными белками, в которых читалась звериная злоба. Даос не успел разобраться, в чем дело: со стороны центральной площади донесся истошный, полный ужаса крик. Обернувшись на звук, спутники увидели, что у огромного жертвенника бурлит живое море. Похоже, все население города собралось у помоста, словно замороженное жутким зрелищем.

Тайбай Цзиньсин, отличавшийся нетерпеливым нравом, сорвался с места и вихрем помчался вперед. Юэлао не успел ухватить его за рукав и бросился вдогонку, стремясь не упустить товарища из виду. Однако не успели боги приблизиться к помосту, как земля содрогнулась, и к самым небесам с гулом взметнулся исполинский столб багрового света. Окружавшие алтарь люди, завидев это кровавое сияние, будто разом лишились разума: покачиваясь, словно марионетки, они начали медленно выписывать круги на площади.

Взмыв в воздух, Цзи Цин окинул площадь быстрым взглядом. Горожане двигались по строго выверенным, пугающим траекториям, словно исполняли предсмертный танец. По мере того как кровавый столб разгорался все ярче, несчастные стремительно бледнели, теряя последние краски жизни. Невидимый упырь жадно и быстро высасывал из них жизненную эссенцию — тела усыхали на глазах, превращаясь в обтянутые пергаментной кожей скелеты.

Едва багровый столб света растаял в вышине, над Столицей Вечного Веселья сомкнулся исполинский купол кровавого барьера, погрузив улицы в зловещие багровые сумерки. Под первыми же лучами этого проклятого сияния мертвецы на площади зашевелились. Иссохшие костяки один за другим начали подниматься на ноги, медленно разворачиваясь в сторону чужаков. Ху Цзюмин, мертвой хваткой вцепившийся в подол даоса, в ужасе замер: у надвигающихся тварей вместо глаз были лишь мутные белки — точь-в-точь как у того безумца, что подглядывал за ними из подворотни.

Цзи Цин крепче перехватил рукоять меча и наотмашь рубанул по ближайшей твари. Серебряная вспышка рассекла воздух, и иссохший скелет разлетелся на куски, с глухим стуком осыпав мостовую. Но не успели спутники перевести дыхание, как разбросанные кости зашевелились, со свистом потянулись друг к другу и вновь сошлись воедино. Восстановленный мертвец безжалостно зашагал вперед.

Тайбай Цзиньсин ошеломленно замер. Почувствовав, как чья-то крепкая рука перехватила его запястье, он даже не попытался вырваться. Лицо его потемнело от гнева.

— Это же... Великий массив Кровавого жертвоприношения! — выдохнул он.

Юэлао прекрасно знал, что его товарищ, будучи земным воплощением грозной звезды войны, мгновенно разгадает зловещую суть происходящего. Он сильнее потянул Тайбая Цзиньсиня к себе, заставляя встать плечом к плечу, и глухо произнес:

— Дело дрянь. Мы в ловушке.

Великий массив Кровавого жертвоприношения был древнейшей демонической печатью — беспощадным Массивом Пленения бессмертных, созданным еще в эпоху великой битвы богов и демонов. Тот, кто оказывался заперт внутри этого проклятого купола, будь то древнее божество Хаоса или великий владыка Девяти небес, был обречен: за пять дней его душа стиралась из мироздания без следа. Самым же страшным свойством Великого массива Кровавого жертвоприношения было то, что пока жива печать, все принесенные ей в жертву обретали жуткое, нерушимое бессмертие. Сколько бы их ни рубили на части, они поднимались снова и снова.

<http://bllate.org/book/20393/2145668>